

Э.А. ХУСНУТДИНОВА

*Уфимский государственный институт искусств
им. Загира Исмагилова, г. Уфа, Россия
ORCID: 0009-0007-8092-2927*

1948 год в башкирской музыкальной критике

Предлагаемая читателю статья представляет собой актуальное научное исследование, посвящённое становлению музыкальной критики и журналистики в Башкирии. До сих пор эта тема остаётся неизученной и носит проблемный характер. Состояние музыкальной критики всегда имело важное значение в первую очередь для композиторского творчества, оценки его места в общественном сознании, а также для функционирования искусства в культурной среде. При создании данного текста автор опирался на материалы Национального архива Республики Башкортостан, а именно одного из фондов, принадлежащих Союзу композиторов РБ. Временной отрезок, отражённый в статье, очень сложен и многослоен. Поэтому основным аспектом избран тот, что представляется наиболее существенным, – резонанс на территории Башкирии одного из «краеугольных» общесоюзных документов – Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В.И. Мурадели».

Ключевые слова: музыкальная критика, Союз композиторов БАССР, Союз композиторов СССР, Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В.И. Мурадели», публицистические материалы, архивные документы, литературный стиль.

Для цитирования / For citation: Хуснутдинова Э.А. 1948 год в башкирской музыкальной критике // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2024. № 1. С. 151–162. DOI: 10.17674/2782-3601.2024.1.151-162. EDN: YZBUCF.

ELVIRA A. KHUSNUTDINOVA

*Ufa State Institute of Arts named after Zagir Ismagilov, Ufa, Russia
ORCID: 0009-0007-8092-2927*

1948 in Bashkir Music Criticism

The article offered to the reader is an actual scientific study devoted to the formation of music criticism and journalism in Bashkiria, which is an unexplored and unresolved problem. The state of music criticism has always been important primarily for compositional creativity, its evaluation in the public consciousness, as well as for the functioning of art in a cultural environment. When creating this text, the author relied on the materials of the National Archive of the Republic of Bashkortostan, namely one of the funds belonging to the Union of Composers of the Republic of Belarus. The time period reflected in the article is very complex and layered.

Therefore, the main aspect chosen is the one that seems essential – the refraction on the territory of Bashkiria of one of the “cornerstones” of the all-Union documents: Resolutions of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) “On the opera *Great Friendship* by V.I. Muradeli”.

Keywords: music criticism, Union of Composers of the BASSR, Union of Composers of the USSR, Resolutions of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) “On the opera *Great Friendship* by V.I. Muradeli”, journalistic materials, archival documents, literary style.

Развитие музыкальной критики в условиях тоталитарного государства на рубеже 1940–1950-х годов характеризуется достойным уровнем, несмотря на неподходящие условия. В своей диссертационной работе современный журналист А.Э. Семёнова даёт следующую характеристику научным и публицистическим статьям советской эпохи: «Необходимо отметить, однако, что в советской музыкальной журналистике, создававшейся профессионалами, мы находим лучшие образцы, связанные с высокой одарённостью советских музыкальных критиков» [12, с. 5].

Изучая тексты названного периода, можно условно выделить два вида критики, сложившейся в это время. Первый – критика, осуществлявшаяся со стороны советского государства в следующих видах: 1) официальные доклады, 2) сообщения, 3) письма, 4) постановления. Эти четыре разновидности документов перечислены автором книги о музыкальной критике и журналистике Т.А. Курышевой [4, с. 43]. Она смело относит их «по жанровой принадлежности <...> к области художественной [выделено автором статьи. – Э.Х.] критики», ибо «по смыслу это оценочные суждения», они носят поясняющую или регулирующую направленность и обращены «к вопросам искусства и художественной жизни» [там же].

Именно эти подвиды критики развивались наиболее активно и были актуальными, направляли деятелей культуры к определённым целям, задавали «фронт работы». Одновременно с этим прямолинейность подобных подвидов критики по отношению к музыкантам могла привести и приводила к возникновению немалого количества творческих проблем.

Ко второму виду относится собственно **музыкальная** критика, в своём непосредственном, истинном проявлении. Это музыковедческие работы – статьи и материалы о музыкантах прошлого и настоящего. Сюда примыкает и сам теоретический анализ произведений. К сожалению, музыкально-критическая деятельность в Башкирии, направленная на создание трудов, относящихся ко второй группе, затормозилась. Например, в 257 вышедших номерах газеты «Красная Башкирия» за 1948 год лишь 23 статьи относятся к музыкальной критике. Кроме того, о скудности и необидительности подобных работ в башкирских СМИ свидетельствуют обзоры печати за период с 1948 по 1951 год, сделанные отечественными музыковедами и опубликованные в журнале «Советская музыка». Так, ленинградский музыковед Л.С. Орлова¹ в статье «Музыкальная жизнь на страницах газеты “Советская Башкирия”»² писала: «Вопросы музыкального искусства освещаются в газете крайне редко, скучно

1 Л.С. Орлова – советский музыковед. Во время Великой Отечественной войны была эвакуирована из Ленинграда в Уфу и выполняла обязанности ответственного секретаря Союза композиторов БАСССР.

² Речь идет о вышеупомянутой газете «Красная Башкирия», выходившей с 1951 года под названием “Советская Башкирия”

и бесцветно, чаще всего в коротких заметках, "регистрирующих" отдельные события музыкальной жизни» [11, с. 103].

Принятие Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В.И. Мурадели» от 10 февраля 1948 года, опубликованного в газете «Правда», стало одним из значимых событий в истории отечественного искусства. В наши дни доказано, что его установки повлекли за собой ряд негативных последствий для культуры всей страны. На это указывают, например, следующие источники: книга доктора искусствоведения Е.С. Власовой «1948 год в советской музыке. Документированное исследование» [1]; многочисленные документы, опубликованные в сборнике «Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991», составитель Л.В. Максименков [10]; недавняя статья «"Советская музыка" и антиформалистическая кампания 1948 года» американки Ю.Г. Хаит, исследующей главный отечественный музыкальный журнал [13], обзорная статья британского музыковеда и журналиста Стивена Уолша "Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953" [15].

Партийная идеология во многом ограничила творческую свободу музыкантов, входящих в состав Союза советских композиторов, а также других подобных организаций, образованных в различных городах и республиках СССР на рубеже 40–50-х годов XX века. В частности, тогда ещё молодой Союз композиторов БАСССР³ тоже оказался в непростом положении. Теперь башкирским композиторам приходилось более тщательно выбирать темы и,

соответственно, литературные источники для своих произведений, будь то жанры камерно-вокальные, то есть связанные со словом, или синтетические, музыкально-театральные (опера и балет). С большой осторожностью и даже страхом формулировались тексты отчётных докладов от имени как всего СК БАСССР, так и каждого композитора, когда приходилось отчитываться о проделанной работе перед московским центром – Союзом композиторов СССР.

Члены СК БАСССР в официальных документах, датируемых 1948 годом, сами указывали на тот факт, что данное Постановление способствовало повышению идейно-художественного уровня их музыкальных произведений, в том числе композиторской техники, разнообразию форм и жанров⁴. Внимание привлекает, например, фрагмент одного архивного текста, в котором композиторы Башкирии высказали своё мнение по поводу описываемого исторического события: Постановление «... 1948 года об опере "Великая дружба" В.И. Мурадели, осудившее антинародное формалистическое направление в советской музыке и определившее пути её развития на основе принципов народности и социалистического реализма, было встречено работниками искусства Башкирии с одобрением»⁵. Подобные суждения и формулировки можно назвать коллективными – поскольку не удаётся обнаружить их единственного автора. Такая анонимность приводит к существенному обобщению: скорее всего реальные авторы высказываний опасались обнаружить себя из-за боязни репрессий. Это явление, как утверждает музыковед Т.А. Ку-

³ Союз композиторов Башкирской АССР был организован в Уфе и официально закреплён как творческое содружество Постановлением Совнаркома БАСССР от 2 февраля 1940 года. Первым председателем Союза стал М.М. Валеев [2]. Даты его руководства – 1940–1948 гг.

⁴ Обзор творческой деятельности работников искусства Башкирии за 1941–1953 гг. // ГКА НА РБ. – Ф. Р 10295, оп. 1, ед. хр. 4. – Л. 2.

⁵ Отчёт Союза композиторов Башкирской АССР на 1948 год // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 11. – Л. 15.

рышева, абсолютно характерно для того времени [5, с. 43].

В 1947 году, то есть за год до выхода Постановления, первый председатель Союза композиторов Башкирской АССР Масалим Мушарапович Валеев в информационном докладе о деятельности Союза обозначил отсутствие музыкальной критики и журналистики в Башкирии. Из его слов следовало, что именно эта проблема стала причиной создания слабых в идейном и художественном отношении произведений. Текст доклада сохранился в архиве⁶.

Мысль, выраженная М.М. Валеевым, очень важна. С одной стороны, здесь видна высокая оценка роли музыкальной критики и журналистики. С другой – проявилась тенденция возложить на критику чрезмерную ответственность за качество создаваемых сочинений.

Нельзя не отметить, что Постановление 1948 года стало причиной возникновения у музыковедов и композиторов своего рода зажима в высказывании ими собственных взглядов. Обнародованные суждения могли привести к жёстким мерам со стороны советского государства, партийных органов, осуществлявших тотальный контроль в области искусства. Однако существовала и иная, по сравнению со сформулированной выше, точка зрения. Дело в том, что сами представители Союза композиторов указывали на другую причину ослабления критической деятельности в республике – отсутствие подходящих кадров. Поэтому работу по освещению музыкальных событий пытались возложить на самих композиторов. Подтверждением этой активно внедряемой позиции может послужить выдержка из отчёта СК БАССР: «Ни один компози-

тор ещё не выступил с критическими статьями на страницах печати. ... Поскольку нет в республике критиков-музыковедов, то эта обязанность падает на них [композиторов. – Э.Х.], и они должны выступать через печать как критики»⁷.

Из приведённой цитаты видно, что композиторы, в свою очередь, не проявляли соответствующей инициативы. Это не случайно, ведь они не обладали профессиональной подготовкой в музыковедческой области. Словно оправдываясь за отсутствие качественной музыкальной критики в Башкирии, композиторы в своих отчётах повторяли одну и ту же формулировку – о необходимости и важности критического дела для становления профессионального башкирского искусства. Так, Х.Ф. Ахметову, ставшему следующим после М.М. Валеева председателем правления Союза композиторов Башкирской АССР в 1948 году⁸, принадлежат следующие слова: «...критика должна помнить, что она помогает воспитывать наших художников-писателей и композиторов, помогает овладевать методом социалистического реализма, непрестанно повышать своё мастерство и способствовать созданию высокоидейных и художественно полноценных произведений»⁹. Это высказывание содержит характерные для данного момента, а именно конца 1940-х годов, идеологемы: воспитание, социалистический реализм, высокая идейность. Всё это, вместе взятое, с одной стороны, безусловно, говорит о высокой оценке потенциального влияния критиков на творчество, с другой – подобные ряды словесных требований, по сути, не способствовали реальным результатам по «выращиванию» профессиональных критиков.

⁶ Протокол № 2 заседания членов ССК БАССР при начальнике Управления по делам искусств при Совете Министров БАССР 3 февраля 1948 года // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 7. – Л. 86.

⁷ Письмо в Обком ВКП (б) Тов. Саитбатталову С.Ф. от ССК БАССР // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 17. – Л. 210.

⁸ Он работал председателем СК БАССР в 1948–1953 гг.

⁹ Письмо в Обком ВКП (б) Тов. Саитбатталову С.Ф. от ССК БАССР // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 17. – Л. 29.

Для того чтобы «отвести вину» от самих композиторов, представители СК БАССР не раз причисляли факт отсутствия музыкальной критики к тем трудностям и недостаткам, которые «извне» мешают сочинительской работе. Они писали о важности изучения профессиональными музыковедами национальных произведений и просили помощи из Москвы. От представителей СК СССР имели место также обращения о необходимости принятия мер «по подготовке критиков-музыковедов из башкир-татар»¹⁰.

Однако, как видно из отчётов, ни московские композиторы, никто другой не реагировали на подобные просьбы. Повлиять на подготовку музыковедческих кадров для Башкирии московские коллеги не могли. Но вопрос ставился шире: о невнимании к регионам, к творчеству национальных композиторов. Поэтому в одном из отчётов башкирского СК читаем об отсутствии интереса москвичей к музыке башкирских авторов: «композиторы БАССР всё ещё редко получают помощь от музыкантов Союза композиторов СССР в виде серьёзного критического разбора произведений композиторов БАССР»¹¹. В связи с этим вынужденной мерой для обсуждения новых произведений композиторов из БАССР было систематическое привлечение «на месте» представителей иных «культурных фронтов» – писателей, руководящих работников театров, представителей Башкирской государственной филармонии и радиокомитета, музыкантов-исполнителей, а также артистов художественной самодеятельности и т. д.,

и т. п.¹². То есть по сути это были люди профессионально некомпетентные, в лучшем случае соприкасавшиеся с создаваемыми произведениями как бы «со стороны».

Уже первый взгляд на документы, хранящиеся в архивах СК БАССР, заставляет усомниться в том, что музыкальная критика в республике отсутствовала. Возможно, она не проявляла себя должным образом на страницах массовой печати (за исключением нескольких кратких заметок и рецензий музыкального критика М. Зайдентрегера в газете «Красная Башкирия»), но при этом существовала в текстах отчётов самих членов СК БАССР. Документы свидетельствуют, что башкирские композиторы вынуждены были давать оценки произведениям своих «товарищей по цеху» или собственным сочинениям. И они это делали, неоднократно указывая на важность и необходимость острой критики по отношению к их произведениям. Так, Х.Ф. Ахметов в очередном отчёте писал: «Такая критика принесёт ... пользу, будет содействовать ... идейному и профессиональному росту»¹³.

После выхода Постановления 1948 года главным акцентом в отчётах и стенограммах Союза композиторов БАССР выступала чаще негативная, чем положительная оценка создаваемых музыкальных произведений. Причём литературный стиль, характерный для критических формулировок, постоянно обновлялся, по сравнению с предыдущими документами усиливалась острота, внедрялся некий подтекст. Заметны явные элементы гиперболизации, носящие даже обличительный характер.

¹⁰ Письмо в Обком ВКП (б) Тов. Саитбатталову С.Ф. от ССК БАССР // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 17. – Л. 210. Кроме верной мысли о необходимости профессионального образования для критиков привлекает внимание одна деталь – слияние двух национальностей в одно словосочетание: башкир-татар (причиной может быть нечёткое разграничение живших тогда в Уфе действующих представителей СК БАССР по признаку национальности. В частности, заметными фигурами были композиторы, по национальности татары, а не башкиры. Среди них, например, Газиз Альмухаметов, Султан Габяши.

¹¹ Отчёт Союза композиторов Башкирской АССР на 1948 год // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 11. – Л. 8.

¹² Отчёт Союза композиторов Башкирской АССР на 1948 год // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 11. – Л. 7.

¹³ Отчёт Союза композиторов Башкирской АССР на 1948 год // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 11. – Л. 8.

Говоря об оценочных суждениях, приходится констатировать, что они нередко выглядят обидными. Например, встречаются такие словосочетания, как «порочное либретто», «наличие элементов примитивизма», «неполноценность аккомпанемента». Профессиональные оценки, касающиеся чисто теоретических аспектов, также не демонстрируют бережной заботы о чувствах, душевном равновесии творцов. Например, в отчёте Союза композиторов Башкирской АССР за 1948 год, подписанном Х.Ф. Ахметовым, даны следующие критические формулировки: «плохие инструментовки», «не всегда ясная музыкальная форма», «недостаточное мастерство» [там же].

Следует конкретно указать на критикуемые произведения. За «наличие формалистических извращений и других недостатков» отрицательной оценке подверглась, в частности, опера М.Ш. Валеева и Н.И. Пейко «Айхылыу», за «бедное трактование национальных народных музыкальных элементов, отрыв от современности» – «Мэрген» и «Ашказар» А.А. Эйхенвальда, «Карлугас» Н.К. Чемберджи [там же].

Параллельно с отрицательными критическими выпадами обнаруживаются и положительные оценки, высказываемые по отношению к некоторым башкирским произведениям. Так, Х.Ф. Ахметов отметил высокий профессиональный уровень кантаты «Башкортостан» для хора, солистов и симфонического оркестра Х.Ш. Заимова (слова К. Даяна, 1947) и «Поэмы-кантаты о Владимире Ильиче Ленине» З.Г. Исмагилова (слова Р. Нигмати, 1948). Вероятно, главным основанием для такой оценки могло стать именно приемлемое «идейное содержание» названных сочинений.

Анализируя стиль написания отчётов и докладов Союза композиторов БАССР, необходимо также остановить внимание

на «шаблонности» литературного содержания текстов. Т.А. Курышева усматривает причину в том, что партия выдавала «заготовки» для текстов, далее находились те деятели, кто их «копировал» на страницах статей, чаще носящих разгромный характер, постановлений, официальных докладов и т. п. [5, с. 43]. Причём эти готовые формулировки сохранялись как минимум целое десятилетие. В доказательство такой лексической заштампованности можно привести фрагмент текста из официального письма московской композиторской организации Центральному комитету КПСС. Это был ответ на Постановление не 1948, а 1958 года – «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”». Текст гласил: «Композиторы и музыковеды города Москвы с чувством искреннего волнения и глубокой благодарности восприняли постановление ЦК КПСС» (цит. по: [5, с. 45]). Стилистически и эмоционально он подобен приведённой выше в настоящей статье цитате об отношении деятелей культуры Башкирии к Постановлению 1948 года. Очевидно, тексты докладов воспроизводились если не слово в слово, то идейно и содержательно сходным образом.

Нельзя не обратить внимание на отношение представителей культуры к деятельности Коммунистической партии, а также к критике с её стороны, направленной на достижение творческих успехов. Вот несколько цитат, взятых из архивных официальных документов: *«На совещаниях работников искусства и собраниях интеллигенции было глубоко проанализировано и творчество композиторов Башкирии. Критике были подвергнуты композиторы Башкирии прежде всего за примитивизм и за не творческий подход к фольклорному материалу при обработке народных мело-*

дий и за ряд других недостатков. Композиторы Башкирии по-большевистски отнеслись к этой справедливой критике и, руководствуясь указаниями партии, уже в этом году добились значительных творческих успехов»¹⁴.

Ещё одна цитата: «... Этим постановлением Коммунистическая партия вновь показала пример отеческой заботы о нашем музыкальном искусстве <...>. Вдохновляющие идеи великой партии <...> являются основой её успешного развития, её идейно-художественного роста» (цит. по: [5, с. 45]).

Данные выдержки из официальных документов, несомненно, имеют ценность, так как не только в целом характеризуют творческую деятельность композиторов, но и содержат важные, конкретные положительные или негативные оценки, идущие от представителей власти на современные им произведения искусства. Кроме того, приведённые фрагменты помогают воссоздать неоднозначную атмосферу, царившую в обществе, в частности в культуре и искусстве, после выхода Постановления 1948 года. Важно и то, что в текстах обеих цитат акцент падает на действия партии, представляющиеся единственно правильными. Композиторы должны были «с большим чувством благодарности» воспринимать её «справедливую критику», необходимую для развития музыкального искусства. Безусловно, такой тон ощущается благодаря штампам идеологического характера. Среди них есть, например, те, что носят оскорбительный характер: «примитивизм», «не творческий подход». По отношению к Коммунистической партии, наоборот, используются высокие и «одухотворённые»

обороты речи – «великая партия», «отеческая забота», «вдохновляющие идеи».

Важно отметить, что наряду с вынужденными попытками работы самих башкирских композиторов в сфере музыкальной критики всё же обнаруживаются публикации профессиональных московских музыковедов, изучавших особенности башкирской музыки. Такова, например, статья известного музыковеда Л.Н. Лебединского¹⁵ «Заметки о татарской и башкирской музыке», помещённая в журнале «Советская музыка», № 1, 1950 год. В ней исследователь обрисовал общую и довольно оптимистичную картину развития татарской и башкирской музыки в условиях послевоенной советской культуры, в том числе в ракурсе необходимых требований к музыкальным сочинениям. Одновременно с этим Л.Н. Лебединский не обошёлся и без необходимых замечаний. Он отметил, что становление профессионального композиторского дела в Башкирии началось только в условиях советского режима: «Первые татарские и башкирские профессиональные музыканты – композиторы, исполнители и музыкальные деятели – начали своё воспитание лишь в советское время» [8, с. 70].

В качестве примеров музыковед остановил своё внимание на нескольких произведениях, прозвучавших на концертах Третьего пленума Правления Союза советских композиторов в Москве, а также новой опере «Азат» Р.А. Муртазина, поставленной на сцене Башкирского театра оперы и балета. Л.Н. Лебединский в хвалебном тоне отзывался также о вокальных произведениях Х.Ф. Ахметова, отмечая в них глубокий мелос, близкий башкирскому национальному стилю, а именно

¹⁴ Обзор творческой деятельности работников искусства Башкирии за 1941–1953 гг. // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 4. – Л. 15. Стиль и правописание – как в оригинале.

¹⁵ Известно, что Л.Н. Лебединский родился в Оренбургской губернии, до 1919 года входящей в состав Башкирии. Кроме того, он выезжал в фольклорные экспедиции в Башкирию в 1937 и 1939 гг. Поэтому данный регион ему был близок.

протяжным напевам озон-кюй. Однако при этом он выразил негативное отношение к произведениям крупной формы композитора, используя терминологию, унижающую его профессиональное достоинство. Вот слова московского коллеги: «не вполне сложившееся гармоническое мышление», «слабое владение полифонией и оркестром» [там же].

Полностью положительную оценку Л.Н. Лебединский дал песням и кантате «Ленин»¹⁶ молодого тогда начинающего композитора З.Г. Исмагилова. И в целом для характеристики его творчества были подобраны благоприятные оценки. Оказался выявлен профессиональный рост: «...за последние годы заметно вырос», подчеркнуто «свободное владение интонациями и ритмами башкирских народных танцев». Кроме того, отмечена важная роль столицы для его обучения: «в стенах Московской консерватории он приобретает также и вкус к более глубоким идейно-художественным задачам» [там же]. Возможно, причиной таких оценок стало обращение З.Г. Исмагилова к вокальным жанрам, имевшим особую значимость в советское время. Кроме того, громкое название кантаты, прямолинейно фиксирующее её идейную направленность, безусловно, не могло быть подвергнуто негативной критике со стороны «посланца» Коммунистической партии.

Отдельное внимание Л.Н. Лебединский уделил творчеству Х.Ш. Заимова. Музыковед, в соответствии с требуемой диалектикой оценок, нашёл и положительные, и отрицательные моменты. Так, высоко оценил он его кантату «Башкирия» – за логичный гармонический план, тягу к полифонии. При этом серьёзной критике подверглись «неровная» и «рыхлая» форма произведения, «неясный тональный план» [там же].

Особенный интерес Л.Н. Лебединский проявил к опере «Азат» Р.А. Муртазина. Следуя общему партийному подходу, он обрисовал данное произведение в целом как высокоидейное, назвав его первой самостоятельной оперной работой башкирского композитора. Архивные материалы свидетельствуют, что это было первый крупный опус, созданный башкирским композитором после выхода Постановления 1948 года.

Кроме того, деятельность Р.А. Муртазина получила похвалу со стороны «товарищей по цеху». Приведём слова из отчётов СК БАССР о том, что композитор «... сделал правильные выводы из исторического решения ЦК КПСС, смело завершил работу над оперой на современную тему, не отступая при этом перед высокими требованиями, предъявленными советским народом к оперному искусству»¹⁷. Такие оценочные формулировки выглядят не вполне искренними и правдивыми. Думается, что этот иногда слишком хвалебный тон публицистических материалов, написанных в советский период после выхода Постановления 1948 года (но всегда готовый повернуть на «обратную дорожку»), выглядит как вынужденный. Однако в существующих обстоятельствах он был наиболее приемлемым.

Через год после выхода первой статьи московского музыковеда, а именно в августе 1951 года, на заседании СК БАССР совместно с представителями Союза писателей БАССР и республиканского Института истории обсуждался текст лекции Л.Н. Лебединского «Башкирская народная музыка». Этот текст представлял собой переработку его одноимённой статьи, опубликованной в журнале «Советская музыка», № 3 того же, 1951 года. Об этом сообщается в газете «Красная Башкирия».

¹⁶ Скорее всего, речь идёт о «Поэме-кантате о Владимире Ильиче Ленине».

¹⁷ Отчёт Союза композиторов Башкирской АССР на 1948 год // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 11. – Л. 15.

В информационном газетном материале указывается потенциальный адресат выступления московского музыковеда – массовый слушатель: «В настоящей редакции ей придана форма общедоступной, популярной лекции»¹⁸.

Свой второй музыковедческий материал, посвящённый музыкальной культуре башкир, Л.Н. Лебединский начал с негативной оценки деятельности композиторов и музыковедов Башкирии по исследованию своей национальной культуры: «До сих пор у нас нет научной работы, посвящённой башкирскому народному искусству, если не считать главы в вышедшей 54 года назад и ставшей в настоящее время библиографической редкостью книге С.Г. Рыбакова “Музыка и песни уральских мусульман”» [7, с. 59]. Далее в своей статье московский музыковед довольно подробно проанализировал башкирские народные песни. Неудивительно, ведь именно этот простой и доступный массовой аудитории жанр стал самым популярным в советское время, не в последнюю очередь благодаря указаниям и требованиям партии.

Заклячая свой научный труд, Л.Н. Лебединский не забыл обратиться с призывами к композиторам БАССР, тем самым стремясь определить дальнейшее направление их творческой деятельности: «Советские композиторы Башкирии должны гораздо серьёзнее изучать своё родное народное искусство, как классическое, так и современное <...> ... чтобы овладеть музыкально-интонационным стилем народной песни и создавать на этой основе произведения всех жанров...» [6, с. 65].

Изучив и проанализировав обе вышеназванные работы Л.Н. Лебединского – «Заметки о татарской и башкирской музыке» и «Башкирская народная музыка», можно сделать однозначный вывод, что они связаны друг с другом, одна вытекает из другой. Думается, что, не получив отклика от башкирских композиторов на первую работу, написанную в 1950 году, музыковед написал второй материал, преподнеся его уже в качестве научного (в то время как первый был публицистическим). Безусловно, оба эти материала – значительный вклад в изучение башкирского народного песенного искусства и одновременно – в музыкальную критику. Но при этом в обоих текстах чувствуется резкое порицание башкирских композиторов и даже давление на их деятельность. Важно, что подобный тон и аналогичный смысл существовал в высказываниях Л.Н. Лебединского не только в период, непосредственно связанный с Постановлением 1948 года. Е.С. Власова пишет, что «идеологической платформой» для большинства музыковедческих работ 1940-х годов, в том числе критических, был доклад Л.Н. Лебединского как председателя Всероссийской ассоциации пролетарских музыкантов (ВАПМ) 1929 года. Доклад поведствовал о положении дел в области музыкальной критики¹⁹. Именно тенденции тех лет получили логическое продолжение в Постановлении 1948 года. Отсюда напрашивается мысль – авторство Л.Н. Лебединского в написании обеих этих работ не случайно. Скорее всего, организовывая и направляя работу башкирских композиторов, он выполнял поручение партии²⁰.

¹⁸ Информацию о данной публикации удалось обнаружить в архивном документе: Письмо от Башгосфилармонии // ГКА НА РБ. – Ф.Р 10295, оп. 1, ед. хр. 17. – Л. 203. Выходные данные названной газеты в этом Письме отсутствуют.

¹⁹ Позже ВАПМ будет переименована в РАПМ (Российская ассоциация пролетарских музыкантов). Эта музыкально-общественная организация существовала с 1923 по 1932 год.

²⁰ Известно, что в 1939–1940 гг. Л.Н. Лебединский, будучи музыкальным консультантом Управления по делам искусств Башкирской АССР, курировал работу молодого Союза.

Подобная деятельность подходила под определение идеологической пропаганды. Такой вывод сделан, например, в диссертационной работе А.Э. Семёновой, и с ним нельзя не согласиться: «Советская музыкальная журналистика, создаваемая в основном музыкальными критиками, была инструментом идеологической пропаганды» [12, с. 184].

Именно на основе публикации 1951 года Л.Н. Лебединским была создана лекция, неоднократно им зачитывавшаяся и получившая хороший отзыв в партийной печати. Поэтому можно предположить, что за ним и другими московскими музыковедами партия признавала право поучать других, и в результате такие люди имели особый авторитет среди национальных – в частности, башкирских – деятелей культуры.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что, несмотря на решительные формулировки в отчётах СК БАССР о необходимости развития в республике критической мысли как важного двигателя в деле строительства «нового культурного общества», композиторы воспринимали всю существовавшую ситуацию не так уж легко. Последствием довлеющего внедрения политики в живое творчество могла стать обратная реакция – ослабление творческой мысли, причём и в области композиторского процесса, и в поле критики. Детальное осмысление подобных явлений заслуживает специального анализа.

Благодарность: автор благодарит редакцию журнала за возможность публикации статьи, ценные пожелания, существенные для её улучшения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке: документированное исследование. М.: Классика–XXI, 2010. 456 с.
2. История / Союз композиторов Республики Башкортостан // URL: <http://www.skompositorov.ru/history.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
3. Карпова Е.К. Страницы дореволюционной музыкальной истории // Очерки по истории башкирской музыки. Уфа: УГИИ, 2001. С. 4–26.
4. Келдыш Ю.В. Музыкальная критика и наука // История русской музыки. В 10 т. Т. 6. М.: Музыка, 1989. С. 28–82.
5. Курышева Т.А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. 296 с.
6. Кузбеков Ф.Т. Башкирская журналистика как явление этнической культуры. Уфа: Китап, 2006. 384 с.
7. Лебединский Л.Н. Башкирская народная музыка // Советская музыка. 1951, № 3. С. 59–65.
8. Лебединский Л.Н. Заметки о татарской и башкирской музыке // Советская музыка. 1950, № 1. С. 68–70.
9. Махней С.И. Русские композиторы и Башкирия (к проблеме взаимодействия двух культур). Уфа: Гилем, 2008. 168 с.
10. Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / сост. Л.В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия», 2013. 864 с. (Россия. XX век. Документы).
11. Орлова Л.С. Музыкальная жизнь на страницах газеты «Советская Башкирия» // Советская музыка. 1952, № 2. С. 103–104.

12. Семёнова А.Э. Музыкальная журналистика на страницах газет в условиях трансформации современного российского музыкального искусства // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Казань, 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 180–191.

13. Хаит Ю.Г. «Советская музыка» и антиформалистическая кампания 1948 года // Музыкальная академия. 2023, № 1. С. 24–37.

14. Шумилова М. 14 июня – День работников печати и информации Республики Башкортостан // URL: [http:// https://www.bashinform.ru/news/politics/2004-06-09/14-iyunya-den-rabotnikov-pechati-i-informatsii-respubliki-bashkortostan-2015445.ru](http://https://www.bashinform.ru/news/politics/2004-06-09/14-iyunya-den-rabotnikov-pechati-i-informatsii-respubliki-bashkortostan-2015445.ru) (дата обращения: 20.11.2023).

15. Stephen Walsh, Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953 // Music and Letters. Volume 89, pp. 448–450.

Об авторе:

Хуснутдинова Эльвира Артуровна, аспирант кафедры истории музыки, Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова (450077, Уфа, Россия), **ORCID: 0009-0007-8092-2927**, husnutdinovae48@mail.ru

REFERENCES

1. Vlasova E.S. *1948 god v sovetskoy muzyke: dokumentirovannoe issledovanie* [1948 in Soviet music: a documented study]. Moscow: Klassika–XXI, 2010. 456 p.

2. *Istoriya / Soyuz kompozitorov Respubliki Bashkortostan* [History / Union of Composers of the Republic of Bashkortostan]. URL: <http://www.skompozitorov.ru/history.ru> (20.11.2023).

3. Karpova E.K. Stranitsy dorevolutsionnoy muzykal'noy istorii [Pages of Pre-Revolutionary Musical History]. *Ocherki po istorii bashkirskoy muzyki* [Essays on the History of Bashkir Music]. Ufa: Ufimskiy gosudarstvennyy institut iskusstv, 2001, pp. 4–26.

4. Keldysh Yu.V. Muzykal'naya kritika i nauka [Music Criticism and Science]. *Istoriya russkoy muzyki. V 10 tomakh. Tom 6* [History of Russian music. In 10 volumes. Volume 6]. Moscow: Muzyka, 1989, pp. 28–82.

5. Kuryshcheva T.A. *Muzykal'naya zhurnalistika i muzykal'naya kritika: uchebnoe posobie* [Musical Journalism and Musical Criticism: Study Guide]. Moscow: VLADOS-PRESS, 2007. 296 p.

6. Kuzbekov F.T. *Bashkirskaya zhurnalistika kak yavlenie etnicheskoy kul'tury* [Bashkir Journalist as a Phenomenon of Ethnic Culture]. Ufa: Kitap, 2006. 384 p.

7. Lebedinskiy L.N. Bashkirskaya narodnaya muzyka [Bashkir Folk Music]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1951, No. 3, pp. 59–65.

8. Lebedinskiy L.N. Zametki o tatarskoy i bashkirskoy muzyke [Notes on Tatar and Bashkir music]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet Music]. 1950, No. 1, pp. 68–70.

9. Makhney S.I. *Russkie kompozitory i Bashkiriya (k probleme vzaimodeystviya dvukh kul'tur)* [Russian Composers and Bashkiria (to the problem of interaction between two cultures)]. Ufa: Gilem, 2008. 168 p.

10. *Muzyka vmesto sumbura: kompozitory i muzykanty v Strane Sovetov. 1917–1991* [Music Instead of Sumbur: composers and musicians in the Country of Soviets. 1917–1991]. Compiled by L.V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya», 2013. 864 p. (Russia. XX century. Documents).

11. Orlova L.S. Muzykal'naya zhizn' na stranitsakh gazety «Sovetskaya Bashkiriya» [Musical Life on the Pages of the Newspaper *Sovetskaya Bashkiriya*]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet Music]. 1952, No. 2, pp. 103–104.

12. Semenova A.E. Muzykal'naya zhurnalistika na stranitsakh gazet v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiyskogo muzykal'nogo iskusstva [Musical Journalism on the Pages of Newspapers in the Context of the Transformation of Modern Russian Musical Art]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tom 154. Kniga 6* [Scientific Notes of Kazan University. Humanities. Vol. 154. Book 6]. Kazan, 2012, pp. 180–191.

13. Khait Yu.G. «Sovetskaya muzyka» i antiformalisticheskaya kampaniya 1948 goda [“Soviet Music” and the Anti-Formalist Campaign of 1948]. *Muzykal'naya akademiya* [Academy of Music]. 2023, No. 1, pp. 24–37.

14. Shumilova M. 14 iyunya – Den' rabotnikov pechati i informatsii Respubliki Bashkortostan [June 14 – Day of Press and Information Workers of the Republic of Bashkortostan]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2004-06-09/14-iyunya-den-rabotnikov-pechati-i-informatsii-respubliki-bashkortostan-2015445.ru> (20.11.2023).

15. Stephen Walsh, Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953. *Music and Letters. Volume 89*, pp. 448–450.

About the authors:

Elvira A. Khusnutdinova, Postgraduate student at the Music History Department, Ufa State Zagir Ismagilov Institute of Arts (450077, Ufa, Russia), **ORCID: 0009-0007-8092-2927**, khusnutdinovae48@mail.ru

